

Заметки к теме «Пушкин и “Арзамас”»

В числе лакун в известном нам корпусе пушкинских текстов — реальных или потенциальных, — созданных утратой одних стихов и незавершенностью других, есть некая группа, которая представляет особый интерес для исследователя ранних литературных связей Пушкина. Это группа “арзамасских посланий” или, может быть точнее, посланий к арзамасцам, создававшихся или только замышлявавшихся в лицейские и первые послелицейские годы. О некоторых из них мы знаем только по упоминаниям и крошечным цитатам. Так, в письме П. А. Вяземскому от 2 апреля 1819 г. А. И. Тургенев сообщил, что Пушкин начал послание к нему по поводу получения им камергерского звания:

В себе все блага заключая,
Ты, наконец, к ключам от рая
Привяжешь камергерский ключ¹.

Никаких следов этого послания в сохранившихся бумагах Пушкина нет, и по отсутствию дальнейших упоминаний о нем в переписке Тургенева можно было бы заключить, что оно и не было закончено. Мы знаем, однако, и о завершенных произведениях Пушкина, о которых до нас дошли лишь отрывочные и случайные припоминания. Одним из таких произведений является так называемая “арзамасская речь”, с которой мы и начнем настоящие заметки, возникшие в результате работ над академическим собранием сочинений Пушкина.

1. “Арзамасская речь”

Почти все, что мы знаем сейчас об этом послании Пушкина, было сообщено еще в 1850-е годы П. И. Бартеневым и П. В. Анненковым — и здесь необходимо привести достаточно обширную цитату из бартеневской работы “Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии”, поскольку она является в сущности первоисточником сведений, которые мы в дальнейшем будем проверять и сопоставлять с косвенными данными. “Пушкин, к сожалению, успел один только раз принять участие в заседаниях этого общества, — рассказывает Бартенев, как позднее было установлено, со слов Д. Н. Блудова. — То было, если не ошибаемся, в последних числах сентября, либо в начале октября 1817 года. По обычаю, новый член Арзамаса произносил вступительную речь. Протоколы заседаний ведены были (и нередко в стихах) секретарем общества Светланой, и если уцелели эти драгоценные образцы остроумия и веселости, то там, конечно, упомянуто о речи, которую произнес Пушкин превосходными александрийскими стихами. В памяти слушателей доселе сохраняется начало ее:

Венец желаниям! Итак, я вижу вас,
О други смелых Муз, о дивный Арзамас!
.....
Где славил наш Тиртей ... и Александра,
Где смерть Захарову пророчила Кассандра.

Для объяснения последнего стиха нужно сказать, что общество, по примеру Французской Академии, постановило произносить похвальные слова умершим членам; но так как в Арзамасе не было покойников и все члены его были бессмертны, то положили брать умерших напрокат из Беседы Любителей Российского Слова и Российской Академии. Легко представить, к каким неистощимым шуткам давало это повод. Особенно памятно было похвальное слово, произнесенное Арзамасцем Кассандрой Беседнику Захарову, весьма посредственному писателю того времени; и как нарочно случилось, что несколько дней спустя бедный Захаров в самом деле скончался.

В другом месте своей речи, рисуя портрет Арзамасца, Пушкин говорит про него, что он

...в беспечном колпаке,
С гремушкой, лаврами и с розгами в руке.

Этими немногими словами очерчены характер и направление Арзамасского общества.

Но оно, к сожалению, и может быть к несчастью Пушкина, скоро рассеялось. То собрание его, в котором молодой поэт произнес Александрийские стихи свои, было последнее, по крайней мере в Петербурге. Члены Арзамаса и именно наиболее содействовавшие к оживлению заседаний, отозваны были из столицы разными обязанностями. Д. В. Дашков отправился в Константинополь. Д. Н. (граф) Блудов в Лондон, оба по дипломатической службе, Жуковский и А. И. Тургенев уехали в Москву, куда в то время переселился Двор”².

За последующие почти сто лет к данным Бартенева удалось добавить немного, хотя за это время были обнаружены и опубликованы арзамасские протоколы³, вышло академическое издание сочинений Пушкина и летопись его жизни и творчества, составленная М. А. Цявловским. Пушкинское послание, однако, в протоколах не упоминается, и рукописные источники дали лишь одно добавление к бартеневскому тексту, заполнив пропуск в третьей строке: “Где славил наш Тиртей кисель и Александра”. В остальном комментаторы опираются на сведения Бартенева; так, в “Летописи” Цявловского читаем: “Сентябрь, 25 (?)... Октябрь, 5 (?). Заседание “Арзамаса”, на котором Пушкин выступает с речью в стихах: “Венец желаниям! Итак, я вижу вас” (сохранились фрагменты)”⁴.

Были попытки датировать это заседание иначе: в комментарии Т. Г. Цявловской в пушкинском десятитомнике 1974 г. оно отнесено к августу 1817 г.⁵; в нашем комментарии к новейшему двухтомнику “арзамасских” материалов — к июню 1817 г.⁶ Но дата Цявловского, по-видимому, наиболее близка к истине. При этом она важна, конечно, не сама по себе: за ней стоит история поэтапного вхождения Пушкина в общество; история, во многом для нас еще неясная и восстанавливаемая гипотетически.

Вопрос о возможном формальном членстве Пушкина в “Арзамасе” возникает, по-видимому, в конце 1816 г. Этим временем датируются два произведения явно арзамасской полемической направленности: сатира “Тень Фон-Визина” и послание к Жуковскому “Благослови, поэт! В тиши парнасской сени...” Последнее в беловом автографе подписано “Арзамасец”.

Ранние комментаторы этого стихотворения относили его на основании подписи к 1817 г., когда Пушкин был принят в общество. Однако подпись свидетельствовала как раз об обратном. “В арзамасском крещении” члены получали прозвища-“псевдонимы”; известно прозвище Пушкина “Сверчок”. Представить себе арзамасца, оставившего свое имя и выпавшего из игровой стихии, объединившей кружок, попросту невозможно; подписью “Арз<амасец>”, “Ст<арый> Ар<замасец>” Пушкин мог воспользоваться только в более поздние годы, когда “Арзамас” перестал существовать; он напоминал ею о традиции. “Арзамасец” 1817 года подчеркивал свою принадлежность к обществу арзамасским именем, и это наглядно показывает другая рукопись Пушкина — копия послания А. И. Тургеневу (“Тургенев, верный покровитель...”), датированная 8 ноября 1817 г. Здесь к подписи “Пушкин” Пушкин подписывает “Сверчок”.

Послание к Жуковскому традиционно рассматривается как своего рода поэтическое предисловие к готовившемуся собранию стихотворений молодого Пушкина. Напомним, что Жуковский читал так называемую “Лицейскую тетрадь”, которая должна была составить корпус будущей книги⁷. В последние годы появились основательные сомнения в такой трактовке: в самом деле, центральная, полемическая часть послания мало подходила для программного введения в сборник вовсе не полемический. Н. Н. Петрунина, высказавшая эту точку зрения, предложила толковать послание как декларацию литературного самоопределения “с позиций Арзамаса”, что подчеркнуто и подписью⁸. Это, конечно, верно, но здесь есть основания предполагать и непосредственную прагматическую цель. Подпись “Арзамасец” под посланием к фактическому главе и вдохновителю “Арзамаса” и основному в это время литературному наставнику и покровителю Пушкина означала именно просьбу о членстве, фактическую принадлежность к обществу, которую настало время закрепить формальным избранием. Подобного рода “письменное заявление” совершенно естественно для молодого поэта, стремящегося попасть в тесный круг своих поэтических учителей; отсюда декларации верности как своему поэтическому призванию, так и литературно-полемической программе, которой они следуют.

Послание попадает в руки Жуковского, вероятно, сразу после его приезда из Дерпта в декабре 1816 г. С Жуковским Пушкин не виделся с марта этого года; в декабре они оба проводят рождественские праздники в Петербурге и, без сомнения, встречаются; 24 декабря Жуковский впервые после перерыва ведет шестнадцатое заседание “Арзамаса”⁹. Следы именно этого собрания остались в интересующем нас послании Пушкина арзамасцам: Жуковский читал в нем “Овсяный кисель”, свой перевод из Гебеля — “очаровательный овсяный кисель, который члены единодушно провозгласили райским кремом”, как заявлял он в протоколе¹⁰.

Уже в январе 1817 г. в письме Д. В. Дашкову из Дерпта он упоминает Пушкина как естественного участника арзамасского альманаха “Аониды” — наряду с самим Дашковым, Вяземским, Батюшковым, Воейковым, Блудовым, Севериным, В. Л. Пушкиным и Н. Муравьевым. Заметим, что не все из перечисленных участников “Аонид” являются в это время в формальном смысле “арзамасцами”: так, принятие Муравьева произошло только 13 августа 1817 г.¹¹ При всем том в начале 1817 г. Жуковский видит в Пушкине фактического члена общества, — и здесь нам важно учесть косвенные данные мемуаров Ф. Ф. Вигеля. Вигель начинает рассказ об “арзамасце” Пушкине с упоминания о выпускном лицейском акте. “На выпуск <...> молодого Пушкина смотрели члены Арзамаса как на счастливое для них происшествие, как на торжество. <...> Особенно же Жуковский, восприимчивый в Арзамасе, казался счастлив, как будто бы сам Бог послал ему милое чадо. Чадо показалось мне довольно шаловливо и необузданно, и мне даже больно было смотреть, как старшие братья наперерыв баловали маленького брата. <...> Я не спросил тогда, за что его называли Сверчком, теперь нахожу это весьма кстати: ибо в некотором отдалении от Петербурга, спрятанный в стенах Лицея, прекрасными стихами уже подавал он оттуда свой звонкий голос”¹². Хронология здесь, вероятно, несколько смещена, но по контексту очевидно, что приобщение Пушкина к “Арзамасу” Вигель относит к первым же месяцам после выпуска из Лицея. Это как будто расходится с тем, что рассказывает со слов Блудова Бартенев.

Первый выпуск Лицея состоялся 9 июня. 11 июня Пушкин уезжает в Петербург. Здесь он проводит менее месяца: около 9 июля он отправляется в Михайловское. За это время было два арзамасских заседания: одно без определенной программы, где “все члены от Арфы / Вплоть до Светланы священным сумбуром друг друга душили”, — почему и самое собрание сочли как бы несостоявшимся, — и второе, у М. Ф. Орлова, где “читали законы, читали Вадима”. От обоих собраний остались краткие протоколы Жуковского в гекзаметрах. Подписи Пушкина под ними нет, нет и упоминаний о его приеме. Между тем в “Списке избранным арзамасцам”, приложенном к протоколу от 13 августа и перечисляющем формальных членов общества, принятых до этого времени, уже значится “Сверчок” — Пушкин, который, как сказано, с 9 июля находился в Михайловском¹³.

Эта запись (не учтенная в “Летописи” Цявловского) подтверждает воспоминания Вигеля, из которых как будто следует, что Пушкин был принят в общество сразу по выходе из Лицея.

Чтобы объяснить это противоречие, следует вспомнить, что прием в “Арзамас” не всегда был единовременным актом; более того — почти никогда таковым не был. В идеальном случае предполагалось, что на одном из заседаний предлагалась кандидатура будущего члена и его прозвище, которое обнародовалось тогда, когда он произносил вступительную речь и совершался акт принятия. Реально уже с первого же заседания начались заочные избрания. 14 октября 1815 г. в общество были введены четыре “отсутствующих ветхих арзамасца”, чьи имена должны были появиться в протоколе после того, как они “пройдут через какую-нибудь из мученических баллад” и получат свое прозвище¹⁴; в следующем заседании 22 октября, где был предложен Вигель, родилась формула: имя нового члена “напишется тогда, когда он получит имя”¹⁵. “Неназванными арзамасцами” были Батюшков, Д. Давыдов, Вяземский и В. Л. Пушкин; из переписки арзамасцев мы знаем, что имена обсуждались вместе с кандидатурами, после чего испрашивалось согласие кандидата. Так, имя “Вот” было придумано самим В. Л. Пушкиным в замену первоначального “Пустынник”, а Вяземский колебался между “Асмодеем” и “Варвиком”, пока не остановился на первом¹⁶. Формальный прием Вяземского произошел только 24 февраля 1816 г., В. Л. Пушкина — в марте того же года, Батюшкова — 27 августа 1817 г., но уже в апреле было известно его арзамасское прозвище — “Ахилл” или “Ахиллес”¹⁷. Когда был принят Д. Давыдов, с именем “Армянин”, мы не знаем, как не знаем и обстоятельств принятия. Нечто подобное происходит и с приемом А. А. Плещеева: 28 августа 1817 г. А. И. Тургенев сообщает о нем Вяземскому как о новом члене, имя которого “в арзамасском крещении” он забыл¹⁸, между тем как в протоколе от 11 ноября 1816 г. он уже упоминается как “Черный Вран”. Что же касается вступительных речей, то в подавляющем большинстве случаев они произносились много позже принятия и “крещения” — спустя несколько недель, а то и месяцев, как было с Батюшковым или Кавелиным. По-видимому, так было и с Пушкиным. Если это предположение правильно, становится понятным, почему его прием не отразился в июньских-июльских гекзаметрических протоколах Жуковского: он не был закреплен арзамасской речью и совершился, условно говоря, неофициально. Может быть, Пушкин даже и присутствовал на заседаниях между серединой июня и началом июля, по крайней мере, на последнем из них, — но подписать протокола уже не мог: подписи ставились на следующем заседании (14 или 15 июля), когда его уже не было в городе.

Пушкин вернулся около 23 августа. К этому времени, как мы помним, он уже числится в списке “формально избранным арзамасцем” под именем “Сверчок”. 24 августа в Петербург приезжает Батюшков, и 27 числа собирается заседание для его принятия. Протокол этого заседания не сохранился, как и самая речь Батюшкова; от него осталась лишь обращенная к Батюшкову приветственная речь Блудова.

В речи Блудова звучали грустные ноты. Общество распалось. “Увы! Любезный Ахилл, вступая в сию храмину, вы искали Арзамаса и находите один труп его, неодушевленный, искалеченный ударами рока. Где многие из подпор наших? Где вещей Чу? Где волшебница Старушка? Где Асмодей, блестящий одним остроумием? И где свежая веселость, украшавшая первые дни наши! Ах, Арзамас! Все погибло! Несчастный голос, призывавший к труду, призвал нас к унынию; истошилась в Светлане руда ее бесценной галиматьи, Эолова Арфа растеряла свои струны, и по устам всех членов вместо беспечной улыбки Арзамаса бродит зевота Академии”. Об этом заседании А. И. Тургенев сообщал Вяземскому 28 августа: “Вчера был у меня многолюдный Арзамас, в коем присутствовали два новых превосходительства: Ахилл и Плещеев...”¹⁹

Дальние отзвуки речи Блудова ощущаются в его поздних рассказах Бартеневу о ситуации, в какой Пушкин читал свою арзамасскую речь. “Члены Арзамаса и именно наиболее содействовавшие к оживлению заседаний” (ср. “многие из подпор наших”) “отозваны были из столицы разными обстоятельствами” — и далее упоминание об отсутствии Дашкова, “Чу”.

Но на этом заседании Пушкин речи не читал — иначе бы А. Тургенев упомянул его среди новых “превосходительств”, как обозначались те, кто прошел всю процедуру принятия. В “многолюдном” же Арзамасе он, вероятно, был: в эти дни он тесно общается с Жуковским, Батюшковым и Плещеевым. 4 сентября все четверо пишут совместное шуточное стихотворение Вяземскому, отправлявшемуся в Варшаву (указ о назначении был прочтен на том же заседании 27 августа)²⁰. Не было чтения речи и в собрании 6 сентября у Тургеневых, о котором 8 сентября Н. Тургенев сообщал брату: уже 18 сентября, обозревая последние заседания “Арзамаса”, Жуковский упоминает только об “ораторских затеях Ахилла и Черного Врана” — Батюшкова и Плещеева. На этом последнем заседании у Плещеева Пушкин почти наверное присутствовал: оно было прощальным перед отъездом Жуковского в Дерпт и Жуковский особенно заботился, чтобы съехались все арзамасцы; он даже рассылал поименные письменные напоминания²¹. Он произнес прощальную речь, текст которой нам неизвестен, и передал Блудову переплетенные “излияния Арзамаса” — тетрадь протоколов, в которую уже далее ничего не вносилось; даже речь Жуковского не была к ней приобщена²².

Почти все, что нам известно о двух, по-видимому, последних петербургских собраниях “Арзамаса” — 27 сентября и 2 октября 1817 г. — это краткие упоминания в дневниках Н. Тургенева и его письмах к брату, С. И. Тургеневу. Это очень скудный и ненадежный источник по части литературных сведений. Литературный быт не интересует Тургенева совершенно; он занят исключительно политическими вопросами и не упоминает ни о речи Батюшкова, ни о прочитанных 6 сентября стихах Вяземского, ни даже о прощании с Жуковским, отметив только, что “в прошедшем Арзамасе у Черн<ого> Врана” “все много смеялись”²³. Арзамасская речь молодого Пушкина, конечно, не могла привлечь его внимания.

Она была прочитана на одном из трех последних заседаний — 18, 27 сентября или 2 октября — и скорее всего, именно на последнем, перед отъездом Жуковского в Москву 4 октября. Феноменальная память Блудова, видимо, не подвела его и на этот раз. Он был одним из тех “слушателей”, о которых глухо упомянул Бартенев. Кто были остальные, мы не знаем. В Петербурге в это время находились Жуковский, Батюшков, оба Тургеневы, Плещеев, Вигель; московские арзамасцы, а также Дашков, Уваров, М. Орлов отсутствовали. Таким образом, Пушкин “видел” перед собой хотя и не весь “Арзамас”, но значительную и наиболее близкую себе часть, и Блудов запомнил как раз те строки, которые к этой части и были обращены. Цитата, приведенная Бартевым, говорит о самом Блудове и о Жуковском.

К Блудову-“Кассандре” относится строка о Захарове, комментарий к которой дал со слов Блудова Бартенев. Это был эпизод, памятный по целой серии драматических совпадений. В шестом заседании “Арзамаса” 16 декабря 1815 г. Блудов читал пародийную надгробную речь И. С. Захарову, автору “Похвалы женам”, сообщив присутствовавшим, что “в предшествовавший вечер оратор Захаров скончался публично на середине “Похвального слова женам””; отвечавший ему Дашков упомянул, что, не в пример “древней Кассандре”, новая пророчица снискала всеобщее доверие — пусть же она предвестит мир после чернильной брани “и гибель врагам любезного Арзамаса”. “Предвещание” сбылось через месяц с лишним: Захаров скончался 30 января 1816 г.²⁴ Нет сомнения, что слух об этих событиях дошел до лицеиста Пушкина уже в 1816 году; более того, есть основания думать, что о самом заседании 16 декабря он знал несколько больше, чем может показаться на первый взгляд. Дело в том, что на нем, согласно протоколу Жуковского, “читан был некий гимн”, в котором “изображаются торжественные деяния русских, их славные подвиги на поле брани <...> и живо представляется, как добрые россияне после всех своих торжеств восскакали в радости и песнопении”. Этот “гимн” был “Певец в Кремле” Жуковского в первой редакции, читанный потом с исправлениями в заседании 11 ноября 1816 г. и в 1817 г. вышедший отдельной брошюрой. В начале марта 1817 г. Жуковский прислал ее Пушкину с надписью: “Поэту товарищу Ал. Серг. Пушкину от сочинителя”²⁵. Именно это стихотворение (а не “Императору Александру”, как принято считать со времен Бартева) имеет в виду Пушкин в строке о Жуковском “славил наш Тиртей кисель и Александра”; сочетание, конечно, не лишнее доли лукавства²⁶.

По сохранившимся пяти с половиной строчкам послания нельзя, разумеется, судить о содержании целого. Однако можно представить себе ситуацию, в которой оно писалось. К осени 1817 г. “похороны” членов уже год как не существовавшей “Беседы” были безнадежным анахронизмом, — и только изобретательное остроумие Блудова способно было в какой-то мере актуализировать речь Батюшкова о Соколове. Есть поэтому основания полагать, что послание (речь) Пушкина строилось как апология “Арзамаса” в целом, с ретроспективными отсылками ко времени его расцвета, — и что именно поэтому оно представляло собою необычное для деятельности кружка послание в александрийских стихах. В этом смысле оно напоминает нам послание к Жуковскому 1816 года, — и сходство это, поскольку мы можем его уловить, было продиктовано объективными обстоятельствами. Первое послание писалось молодым поэтом, стремящимся попасть в дружеское общество, еще не знакомым в деталях с его внутренним бытом и, возможно, не знавшим еще, что основного врага “Арзамаса” — “Беседы” уже не существует. Второе вышло из-под пера “арзамасца” в точном смысле этого слова, произносящего хвалу своей литературной группе, но смутно ощущавшего, хотя, может быть, и не в полной мере, что не существует уже и “Арзамаса”.

2. Неосуществленное послание к Денису Давыдову

Среди начатых и оставленных стихотворных набросков Пушкина есть один, состоящий из двух строк и зачеркнутого начала третьей:

Красноречивый забияка,
Повеса, пламенный поэт
Ужель

Автограф этого наброска находится в так называемой “Лицейской тетради” Пушкина на полях черновиков IV песни “Руслана и Людмилы”, незаконченного наброска “За старые грехи наказанный судьбой...” и начальных строк “Элегии” (“Воспоминаньем упоенный...”). Он датируется в Академическом собрании 1819 годом, предположительно не позднее ноября; в “Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина” (2-е издание) — январем-ноябрем 1819 г.²⁷

Последнее определение датировки содержит одну неточность. Стихотворение было начато не ранее конца февраля. Стихотворение “За старые грехи...”, предшествующее ему, относится ко второй половине месяца; строки о “красноречивом забияке” вписаны вслед за ним, причем не сразу, а позднее, более темными чернилами. Это обстоятельство, как мы увидим далее, имеет значение для интерпретации наброска.

Уже в 1933 г. В. Н. Орловым был предположительно назван адресат пушкинских стихов — Денис Давыдов²⁸. Несколько позже к тому же выводу пришел и М. А. Цявловский²⁹. Определение адресата основывалось на целом ряде близких формул в стихах Давыдова и о Давыдове, как напечатанных, так и рукописных, известных Пушкину в списках еще в лицейские годы. Ср. у Давыдова в послании “Другу повесе” (1815; опубликовано в 1832): “Болтун красноречивый, / Повеса дорогой!”; в знаменитых стихах “Бурцову. Призывание на пунш” (1804; опубликовано в 1832): “Бурцов, ёра, забияка!” В “Певце во стане русских воинов” Жуковского фрагмент о Давыдове начинается строками: “Давыдов, пламенный боец!”³⁰ Этот стих стал почти поговорочным речением.

Пушкин, как сказано, знал стихи Давыдова и увлекался ими еще в лицейские годы, и тогда же ему становятся известны какие-то эпизоды биографии Давыдова; один из анекдотов о нем он записывает в 1815 г. в лицейский дневник. Со своей стороны, Давыдов также получает сведения о молодом даровании через общих знакомых из арзамасского круга — В. Л. Пушкина, Вяземского, с которым он общается во время своих наездов в Москву. В столице он был в 1816 г.; провел здесь ноябрь и декабрь³¹, но, конечно, не имел повода познакомиться с мальчиком-

лицеистом; во всяком случае, мы ничего не знаем об их общении в это время. Первое известное нам его упоминание о Пушкине относится к июню 1818 года; оно содержится в письме к Вяземскому от 2 июня, где Давыдов подробно разбирает восхищавшее Жуковского и Вяземского послание Пушкина “К Жуковскому” (“Когда к мечтательному миру...”). К этому времени он уже имеет сложившееся представление о молодом поэте и о его предшествующем творчестве, которое ценит высоко. “Стихи Пушкина хороши, — пишет он Вяземскому, — но не так, как тебе кажутся, и не лучшие из его стихов”³², — и вслед за тем он дает совершенно “арзамасскую” критику текста, отмечая как удачные, так и слабые места. В конце 1818 года он вновь приезжает в Петербург — между 8 и 11 декабря — и остается до начала января. Тогда-то, по-видимому, и происходит его знакомство с Пушкиным, переросшее затем в многолетние дружеские отношения³³.

В январе он уезжает в Москву, а в начале февраля становится известно о его сватовстве и помолвке с Софьей Николаевной Чирковой.

3 февраля он писал своему старинному приятелю А. А. Закревскому: “Проклятые люди, вы меня соблазнили! и я вступил в вашу шайку... вчера сговорил <...>. Боюсь только, чтоб ты не принял это за шутку, прилагаю билет”³⁴. Комический ужас, звучащий в письме, конечно, поза. Давыдов уже давно думал о женитьбе и семье; ему было уже 34 года, — но семейная жизнь резко контрастировала с тем образом убежденного холостяка, повесы и кутилы-гусара, который Давыдов создавал в своих стихах и который в читательском сознании прочно наложился на его реальную личность. Поэтому свадьба Давыдова оживленно обсуждалась в дружеской переписке, и известия о новом его положении почти всегда сочетались с легким подтруниванием. Первые письма, впрочем, были весьма сочувственны. А. И. Тургенев уже 12 февраля сообщает новость Вяземскому, и почти одновременно о ней пишет Вяземскому В. Л. Пушкин: “Денис Давыдов женится на Чирковой. Она мила — и у нее 1000 душ. Я радуюсь за нее и за него”³⁵. Свадьба состоялась 13 апреля³⁶; 29 апреля В. Л. Пушкин сообщает Вяземскому: “Денис Давыдов разъезжает с своею молодою женой в четвероместной карете и кажется важен и счастлив”³⁷.

На протяжении ближайших лет тема женитьбы Давыдова продолжает обсуждаться в дружеском кругу, приобретая новые акценты: высказываются опасения, что она означает конец его поэтического творчества. 22 августа 1819 г. М. Ф. Орлов пишет Вяземскому из Киева: “Денис наш женат, и я его женатого уже видел и смеялся над ним. <...> Но он счастлив. Любит и любим. Чего же больше?” 28 февраля 1820 г. он отвечает на вопрос Вяземского, “что делает Денис в когтях у Гименея?": “Еще не кряхтит, а нежится. Ему кажется странным быть счастливым. Он греется под подолом. Ничего не пишет, живет в Москве и ожидает наследника или наследницу”³⁸. Через год с лишним, 25 апреля 1821 г., Вяземский передает А. И. Тургеневу шутку Ф. Толстого: “Денис Давыдов, по выражению Американца, вышел замуж и потерял для друзей”³⁹. О своем неизбежном отказе от поэзии Давыдов сам говорил М. П. Погодину в октябре 1822 г.: “Теперь я в пристани, на якоре. — Теперь не до стихов!”⁴⁰ Вся эта литературно-бытовая проблематика спроецировалась в послание А. Ф. Воейкова “Давыдову”, написанное в 1820 г. (дата при первой публикации — “1820, августа 24. Петербург”) и напечатанное в 1821 г. в “Сыне отечества”:

Давыдов, витязь и певец
Вина, любви и славы!
Я слышу, что твои совсем
Переменились нравы:
Что ты шампанского не пьешь,
А пьешь простую воду,
И что на розовую цепь
Ты променял свободу...

Весь опозитизированный Давыдовым быт холостяцкой гусарской вольницы, вплоть до любовных проказ и интеллектуального либертинажа, подвергается теперь ревизии во имя “тихого блаженства” семейной жизни и торжества строгой морали. “Один певец Русланов” сохраняется из прежних поэтических увлечений преображенного “Шольева наследника”, — и тот “тихонько кроется в углу, / Загорожен Бюффеном”; “Гервасияду” и “Буянова” сменили Руссо, Фенелон и Кампе. За безусловным одобрением этой метаморфозы едва ли не скрывается ироническая ужимка, столь свойственная Воейкову. “Закоренелый в грехах” усвоил науку

Не у прелестниц записных
На ложе сладострастья,
Но в целомудренной любви
Искать прямого счастья⁴¹.

Пушкин, вероятно, знал это послание, когда в 1821 г. начал вторично набрасывать обращение к Давыдову — “Певец-гусар, ты пел биваки...” Он воскрешал в нем тот образ поэта, который последовательно создавал сам Давыдов, и почти демонстративно обходил темы, подхваченные и вулгаризированные Воейковым. Но в феврале 1819 г., к которому относятся первые строки ненаписанного послания, темы эти еще не определились и Пушкин находился под впечатлением первых известий о свадьбе “поэта-гусара”. Они, по нашему мнению, и дали первый импульс замыслу. Как Пушкин намеревался развить его и мог ли он вообще сделать это на представлявшемся ему материале, — об этом мы судить не можем; мы можем лишь утверждать, что и по углу зрения на событие, и по системе ценностей он должен был резко отличаться от дидактической эпиталамы Воейкова.

Примечания

¹ Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 1. С. 210.

² Бартнев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 108-109.

³ Арзамас и арзамасские протоколы / Вводная статья, ред. протоколов и примеч. к ним М. С. Боровковой-Майковой, предисл. Д. Благого. Л., 1933.

⁴ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799-1826 / Составитель М. А. Цявловский. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1991. С. 145.

⁵ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 709.

⁶ Арзамас. Сб. в двух книгах. М., 1994. Кн. 1. С. 588.

⁷ См.: Цявловский М. А. Послание “К Жуковскому” (“Благослови, поэт...”) // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 115-130.

⁸ См.: Петрунина Н. Н. Из истории первого собрания стихотворений Пушкина // Русская литература. 1990. № 3. С. 138-139; ср. также коммент. к этому стихотворению: Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет (1813-1817). СПб., 1994. С. 612-614; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. Лицейские стихотворения (1813-1817). С. 692-695.

⁹ См.: Цявловский М. А. Источники текстов лицейских стихотворений // Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет. С. 460; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 1. С. 503.

¹⁰ Арзамас. Кн. 1. С. 380.

¹¹ Там же. Кн. 2. С. 347-348.

¹² Там же. Кн. 1. С. 98-99.

¹³ Арзамас и арзамасские протоколы. С. 234-237; Арзамас. Кн. 1. С. 584.

¹⁴ Арзамас. Кн. 1. С. 266-267.

¹⁵ Там же. С. 273.

¹⁶ Там же. С. 270, 289-290, 284.

¹⁷ Там же. С. 358.

- ¹⁸ Там же. С. 432.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 145.
- ²¹ Арзамас. Кн. 1. С. 434-435, 586.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 435.
- ²⁴ Там же. С. 318, 323, 551.
- ²⁵ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 127.
- ²⁶ Арзамас. Кн. 1. С. 587-588; ср.: Иезуитова Р. В. Жуковский и его время. Л., 1989. С. 221.
- ²⁷ Пушкин. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949. Т. 2. С. 466 (под редакторским заглавием: [Денису Давыдову]), 1184; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 175. Автограф — ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 828, л. 69.
- ²⁸ Денис Давыдов. Полн. собр. стихотворений. Л., 1933. С. 285 (коммент. В. Н. Орлова).
- ²⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 478.
- ³⁰ Денис Давыдов. Полн. собр. стихотворений. С. 74, 95, 157.
- ³¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1816. № 89, приб. С. 894 (о приезде его между 1 и 5 ноября).
Весь январь Давыдов провел в Киеве (его письмо А. А. Закревскому от 4 февраля 1817 г. // РГИА. Ф. 660. Оп. 1. № 107, л. 36).
- ³² Старина и новизна. 1917. Кн. 22. С. 26.
- ³³ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 169, 651-652.
- ³⁴ РГИА. Ф. 660. Оп. 1. № 107, л. 46.
- ³⁵ Василий Пушкин. Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 244.
- ³⁶ Письмо Давыдова Закревскому от 17 апреля 1819 г. // РГИА. Ф. 660. Оп. 1. № 107, л. 54.
- ³⁷ Михайлова Н. И. Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983. Т. XI. С. 244-245.
- ³⁸ Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма / Изд. подг. С. Я. Боровой и М. И. Гиллельсон. М., 1963. С. 217-218.
- ³⁹ Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским. Пг., 1921. Т. 1. С. 10 (Архив братьев Тургеневых. Вып. 6).
- ⁴⁰ Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. 19-20. С. 68.
- ⁴¹ Денис Давыдов. Полн. собр. стихотворений. С. 175-177. Впервые: Сын отечества. 1821. № 11.